

Многоликость единого мира

Гураму Панджикидзе — 50 лет

НОВЕЛЛИСТ, романист, публицист, редактор, общественный деятель, глашатай нового стиля и новых идей — в таких ипостасях знает Гурама Панджикидзе широкая масса читателей. При этом не просто знает, но чутко внемлет его слову. Панджикидзе — один из тех, кто утверждал в грузинской литературе современное мышление, созвучное ритму и переживанию эпохи.

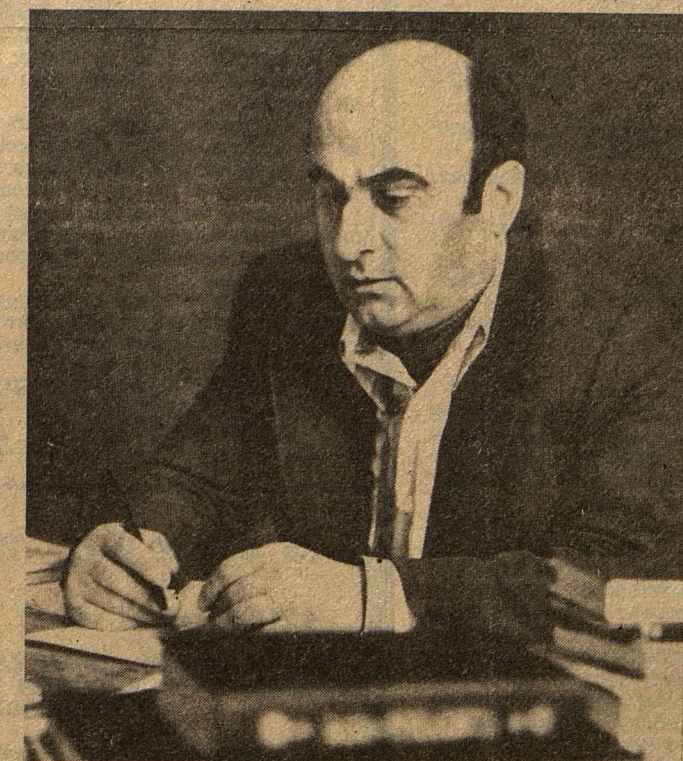
Уже в первых рассказах Г. Панджикидзе намечаются контуры его будущей прозы, эскизные образы героев, выявляются этические воззрения писателя, его стремление к простоте и правдивости, приверженность традициям Хемингуэя и Ремарка (что вообще было характерно для молодых грузинских прозаиков 60-х годов). В некоторых рассказах Г. Панджикидзе изображает дельцов, у которых профессия писателя не вызывает ровно никаких эмоций, разве, что иронию («Грязное небо», «Жаркий день августа»). Особенно удался писателю «Снежный день» — сплав печали и юмора. Отар Силадзе, Резо Диасамидзе, Гурам — в каждом из этих персонажей фрагментарно проявляется природа будущих героев Г. Панджикидзе.

Можно сказать, что роман Панджикидзе в структурном отношении — это развертывание, совершенствование и универсализация его первых художественных опытов, хотя они и не были первыми в буквальном смысле этого слова — им предшествовали публицистические статьи и очерки. Отличительное качество подлинного журналиста — живой отклик на острые проблемы современности, простота подачи материала и лаконичность стиля.

И хотя по специальности Г. Панджикидзе не журналист, полученное им техническое образование, любовь к динамичному, стремительному миру спорта и чуткое ощущение темпа современной жизни привели его именно к журналистике.

Итак: металлургия — журналистика — литература — вот ориентиры устремлений Г. Панджикидзе. И при таком разнообразии (выражаясь техническим языком — даже «разбросе») интересов писателю удалось не только не изменить ни одному из них, но и синтезировать их в своих романах в единую модель, происхождение которой прослеживается с достаточной очевидностью, да писатель и не пытается ее скрыть.

Рациональность стиля и эмоций, постоянный интерес к жизни технической интеллигенции, к «сильной личности» и точным наукам берут начало в профессии Г. Панджикидзе и удивительно со-

ответствуют преображенному научно-технической революцией образу жизни и психике индивида.

Однако за этими техническими знаниями стоит сам автор — ищущий, беспокойный, даже неутомимый, равнодушный, в сознании которого — чтобы превратиться в творчество — должны были запечатлеться яркие воспоминания детства, узкие и кривые тбилисские улочки, грохот металлургических заводов, суэта международных аэропортов, бесприютность гостиничных номеров, холодное высокомерие небоскребов, лица и любимых, и ненавистных ему людей... Все это должно было стать частью души и разума писателя, слиться в единый замысловатый — криптографический кадр современности, поддающийся расшифровке и проявлению лишь посредством слова. Можно сказать, что проза Г. Панджикидзе представляет собой отражение — в самых разных вариациях — биографии и сознания писателя. Это и позволяет провести прямую между его первыми литературными опытами и последним романом — прямую, нигде не прерывающуюся, приобретающую все большую четкость и устремляющуюся все выше.

Главных героев Г. Панджикидзе нельзя безоговорочно отнести к числу положительных, идеальных, «голубых». Они — лишь носители идеала, отличающиеся жизненной силой и упорством, верностью своим принципам, стремлением к справедливости.

Г. Панджикидзе пишет концептуальные романы, требующие целостного вос-

приятия. Тем не менее с тщанием и, точностью он выписывает и отдельные детали, вернее — систему деталей, ведущую к сюжетному развертыванию основной мысли, к основной болевой точке произведения. Так мысль писателя, его прощальный взгляд находят в постоянном движении между действительностью и сознанием: первая возвращает нас ко второму, представляя в неразрывном единстве реконструированный уклад жизни, детище и движущие силы НТР, самое душу этой калейдоскопической действительности.

Читателю следует напомнить, что в этом отношении героя «Седьмого неба» Левана Хидашели часто сравнивают с Алексеем Чешковым И. Дворецкого, не принимая во внимание того, что хронологически «этот роман предшествует пьесам как Дворецкого, так и Гельмана».

Хидашели — Нижарадзе — Геловани — три ипостаси одной идеи. Они схожи между собой и в то же время непохожи друг на друга. Однако сходство это — глубинное, тогда как различия — внешние, поверхностные. Леван Хидашели («Седьмое небо») — законченный тип «солдата индустрии», инженер — металлург, человек дела, непримиримый фанатик. Свой талант, энергию, работоспособность он стремится использовать во имя большой цели, хотя что это за цель — не совсем ясно ему самому. Тем не менее он твердо знает одно: только так, служа этой цели, он сможет выделиться из массы, стать личностью, единственной и исключительной. Ученое звание и звание Героя Социалистического Тру-

да должны конкретно, зримо подтвердить это его превосходство над окружающими.

Корректирование, или совершенствование, характера Левана Хидашели — образ Отара Нижарадзе («Камень чистой воды»). У Отара много общего с Леваном: та же сильная воля, то же увлечение спортом, та же способность вести дипломатическую беседу, та же ненависть к практицизму и потребительству, к бездуховности и бездушию, к людям, превратившимся в дополнение к должностным креслам. Однако к характеру Отара добавлен один немаловажный штрих: он — борец в полном смысле этого слова, борец за правду и справедливость, хотя оружием в этой борьбе ему часто служат ирония и цинизм.

В отличие от Хидашели и Нижарадзе Нодар Геловани («Год активного солнца») достигает своей цели. И не потому, что он доктор наук, талантливый ученый. В результате длительных экспериментов ему удается обнаружить нейтральный мезон (существование которого чуть позднее было подтверждено и другими исследователями). Это практический вклад в науку. Человек, терзающийся поисками смысла бытия, болезненно переживающий псевдоидеалы мещанства, карьеризм окружающих его дельцов от науки, он достигает намеченной цели. Одиссея Хидашели — Нижарадзе — Геловани завершается победой. Личная цель Нодара Геловани сливается с общими устремлениями и идеалами.

Критицизм прозы Г. Панджикидзе имеет несколько истоков. Писатель в первую очередь борется с «некультурной цивилизацией», а не только с дельцами и бизнесменами. Он дифференцирует социальное и индустриальное, ибо именно за силье техники, стремительные темпы НТР и разрушают, согласно его мысли, старую этику, нравственность, жизненные нормы. Писатель выявляет новую разновидность человеческой психики, разоблачает безвольных индивидов, комбинаторов и стяжателей, рабов вещей и трусливых мещан. Однако наряду с этим Г. Панджикидзе создает образы сильных людей, которым присуща система взглядов, соответствующих веяниям нового времени. Вместо старой романтики они утверждают новую, рациональную (Леван Хидашели, Отар Нижарадзе, Тамаз Яшвили, Нодар Геловани).

Прозаик с эпическим видением мира, он изображает жизненные коллизии, ему чужды лирическая манера письма и сентиментальное мягкосердечие. Главное — четкая мотивация сюжета, его драматизация, неуклонное стремление к цели, фун-

кциональное отношение к слову. Герои Г. Панджикидзе, борясь с «потребителями» и отстаивая свое достоинство, свое «я», часто впадают в иронию и цинизм, идущие от мысли и обусловленные общей концепцией. Тем не менее написанные в этой манере пассажи обладают и независимой ценностью, будучи образцом не только остроты мысли, но и остроумия.

Автор «Года активного солнца» — принципиальный противник поэтизации языка. Для него слово — средство, а не цель. Поэтому оно сливается с предметом и имеет значение лишь постольку, поскольку способствует развитию сюжета, выражению идеи. Стиль простой, лаконичный и точный! — вот девиз писателя. Однако это отнюдь не означает, что он не создает художественные образы и довольствуется сухой информацией. Система художественных образов Г. Панджикидзе — плод урбанистического окружения и обладает теми же атрибутами, а соответственно зиждется на рациональных и сознательных ассоциациях.

В прозе Г. Панджикидзе показано структурное единство человека, общества и природы, свидетельствующее о незыблемости и целостности изображаемого мира. Самобытность этого мира основана на рациональном мышлении и стиле, истоки которых — природа самого писателя, его характер, взгляды, полученное им образование. Личность писателя — связующее звено между жизнью и литературой. Рентгеновскими лучами проникает действительность в душу писателя, в его сознание и, трансформировавшись, претворяется в художественное произведение.

Гурам Панджикидзе положил начало грузинской научно-технической журналистике. Однако его перу принадлежат и превосходные статьи о спорте, дневники зарубежных впечатлений, написанные в результате поездок за границу. Он и здесь сказал свое слово. Поэтому и вызывают эти статьи и очерки живой отклик и острый интерес.

Бытовой материал и научную идею, собственные наблюдения и чужой опыт Г. Панджикидзе превращает в единое целое, назначение которого — объяснение сложной и драматической природы современного мышления человека, поиски перспективы будущего, утверждение нового и жизнеспособного. Так складывается индивидуальная модель стиля и движущих сил эпохи, привлекающая и покоряющая не красотой, не игрой красок, а точным и строгим сочетанием, совмещением мысли и настроения.

Сосо СИГУА.

Коллектив редакции газеты «Вечерний Тбилиси», поздравляя Гурама Панджикидзе с 50-летием и награждая его Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, желает ему новых больших творческих успехов.